

Werk

Titel: Opisanie vseh obitajuščich v rossijskom gosudarstve narodov, ich žitejskich obrj

Jahr: 1799

Kollektion: Sibirica

Digitalisiert: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen

Werk Id: PPN333951239

PURL: <http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?PPN333951239>

OPAC: <http://opac.sub.uni-goettingen.de/DB=1/PPN?PPN=333951239>

LOG Id: LOG_0025

LOG Titel: VI. Ceremisy.

LOG Typ: chapter

Übergeordnetes Werk

Werk Id: PPN333951123

PURL: <http://resolver.sub.uni-goettingen.de/purl?PPN333951123>

OPAC: <http://opac.sub.uni-goettingen.de/DB=1/PPN?PPN=333951123>

Terms and Conditions

The Goettingen State and University Library provides access to digitized documents strictly for noncommercial educational, research and private purposes and makes no warranty with regard to their use for other purposes. Some of our collections are protected by copyright. Publication and/or broadcast in any form (including electronic) requires prior written permission from the Goettingen State- and University Library.

Each copy of any part of this document must contain there Terms and Conditions. With the usage of the library's online system to access or download a digitized document you accept the Terms and Conditions.

Reproductions of material on the web site may not be made for or donated to other repositories, nor may be further reproduced without written permission from the Goettingen State- and University Library.

For reproduction requests and permissions, please contact us. If citing materials, please give proper attribution of the source.

Contact

Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen
Georg-August-Universität Göttingen
Platz der Göttinger Sieben 1
37073 Göttingen
Germany
Email: gdz@sub.uni-goettingen.de

Ч Е Р Е М И С Ы

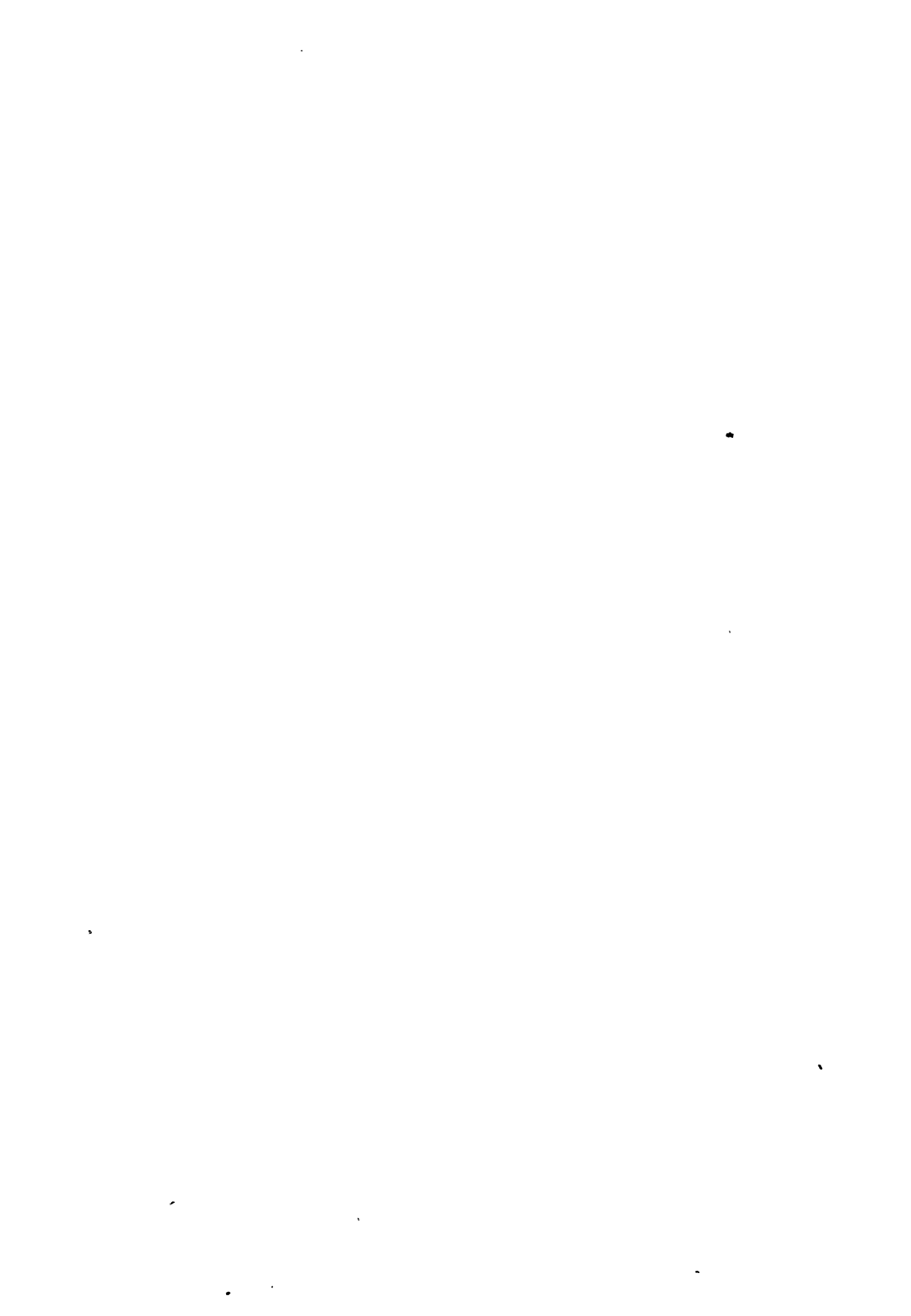
Собственное имя *Черемисъ Мари*, (мужчины), а *Чуваши Курмари* (горные люди). Они *живутъ* въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, больше на лѣвой, нежели на правой, сторонѣ рѣки *Волги*. Жилища ихъ проспираются до самой *Перми*, и *деревни* лежатъ отъ части особо, а отъ части смѣжно съ Чувашискими и Россійскими. *Породы* они *Финнской*, и говорящъ *своимъ собственнымъ*, съ Финскимъ нарѣчіемъ сходнымъ, *языкомъ*: но, за неимѣніемъ буквъ, нѣтъ у нихъ ни письменныхъ, ни печатныхъ дѣлъ. Во время господствованія Ташаръ были они имъ подвластны, и жили ближе къ югу, между Волгою и Дономъ. Они имѣли собственныхъ *Хановъ*, будучи уже и *лодъ Россійскою Державою*: но поколѣніе оныхъ пресѣклось на *Адаъ*, весьма приверженномъ и покорномъ Россійскому престолу, храбромъ Владѣтель, и шенерь нѣтъ у нихъ ни Князей, ни Дворянъ. Они упражнялись тогда въ *скотоводствѣ*, но мало по малу сдѣлались, подражая Россіянамъ, и по причинѣ стѣсненія мѣстъ, *Земледѣльцами*.

По *виду и росту* своему, могутъ они почестъся средними, между Россіянами и Ташарами, людьми. Они не имѣютъ проворства и смѣлости первыхъ, да и женщинамъ ихъ не доспаетъ пригожства, бодрости и суешности Россіянокъ, хотя и онѣ въ прочемъ не дурны. Въ дѣлахъ своихъ Черемисы не шоропливы, но прилежны, и, по примѣру всякихъ непросвѣщенныхъ людей, упрямы и недоверчивы. Времени не считаютъ они ни годами, ни мѣсяцами, да и преданій о бывшихъ съ предками ихъ приключеніяхъ не имѣютъ.

Въ городахъ они ни когда не живутъ. Въ *деревняхъ* же ихъ, въ коихъ бываетъ дворовъ до шридсяши, имѣютъ они, подобно Россіянамъ, міромъ выбранныхъ сошниковъ, десятниковъ и старостъ. Каждый *дворъ* состоитъ изъ одной, особо построенной, черной избы, изъ стоящихъ розно хлѣвовъ, и изъ небольшихъ, на не высокихъ столбахъ сгромощенныхъ, кладовыхъ, кои служатъ имъ и лѣшними горницами. Все сіе строеніе выведено чешыреугольникомъ, и срублено изъ бревенъ: а промежутки между онымъ ни чѣмъ не забираются. Черныя избы подняты на сажень выше подполья; лѣсницы у нихъ покрыты, а въ нутри, кромѣ Рускихъ печей, подѣланы очаги и широкія Ташарскія палаты. Двери у сихъ избъ низкія, а окномъ служатъ чешыреугольное, дюйма на палшора въ

Черемиска спередн.
Eine Tcheremisin vorwärts.
Feme Tcheremisse par devant.

размѣръ, отверзшіе, которое пузыремъ, или тряпицею, въ мѣсто стекла, заплатаюють. Домашняя у нихъ *рухлядь* такая же, какая бываетъ у Россійскихъ сельскихъ хозяевъ.

Всѣ *Черемисы производятъ*, по обыкновенію Россійскихъ мужиковъ, *земледѣльство*. Держащіеся языческаго суевѣрія ошнюдь не хошятъ ѣсть свинины, да и изъ крестившихся рѣдко кто разрѣшаетъ соѣсть свою отъ узъ сего предубѣжденія. Въ зимнее время сосцавляетъ *звѣрняя ловля* главное ихъ упражненіе. Они не смѣлы и не хитры, а по тому и не зашпичны. Кшо, на примѣръ, имѣютъ лошадей до придесяти, и столько же рогатаго скота, да съ верхъ того не много побольше овецъ; шомъ почитаешся у нихъ не послѣднимъ богачемъ. *Женщины* прядутъ, шкутъ, поршничатъ, вышиваютъ холстинное одѣяніе шерстью собственнаго своего крашенья, и проч. Но чистоты въ разсужденіи одежды и пици не увидишь ни въ какомъ дворѣ. Исповѣдующіе древнюю свою языческую вѣру Черемисы жрутъ лошадей, медвѣдей, всякихъ пернатыхъ, а въ случаѣ нужды и хищныхъ звѣрей: но падалъщиною, какая бы она ни была, гнушаются. Какъ въ домашнемъ, такъ и въ лѣсномъ *лѣловодствѣ* весьма они искусны. Производятъ такъ же и *рыбную ловлю* охотно, но къ ремесленнымъ работамъ, къ коимъ Россійскіе мужики великую имѣютъ склонность, со всѣмъ не присаюють. *Подушный окладъ* платятъ они на ряду съ Россійскими крестьянами; спавятъ рекрутъ и подводы. Въ *Кунгурскомъ уѣздѣ* въ Области Пермской подушной окладъ даюють нѣкошорья деревни куницами.

Мужской нарядъ походитъ на одѣяніе Россійскихъ мужиковъ: но волосы зачесываютъ они назадъ, и кругомъ обрѣзываютъ ихъ корошенько. Ворошники, обшивки около рукавовъ и воршны у рубахъ вышиты разноцвѣтною шерстью. Охабни, на кой идетъ шолстое, изъ черной овечьей шерсти сдѣланное, сукно, шьются съ широкимъ опрокинутымъ и Англинскому подобнымъ ворошникомъ; на подолѣ осавляются въ низу съ обѣихъ сторонъ прорѣхи. *Бабь* и *дѣвки наряжаются* одинаково, только первыя лучше. Они носятъ *штаны*, лапши, и обвершываютъ ноги онучами. Лѣшомъ ходятъ въ однихъ *рубахъ*, подъ коими носятъ штаны. Рубахи около шеи и рукъ прихватываютъ плотно; а въ прочемъ шьются такъ узко, что около стану, какъ будшо, облипли, и длиною доспають за колѣни. Ворошникъ, закраины и всѣ швы украшаются очень пестро крашеною шерстью; воршъ застегивается большею

пряжкою; а спанѣ прижимается къ шѣлу поясомъ. Для *лышности* носяшѣ они сѣ верхѣ рубахи, подобное покроемъ халапу и изѣ всякихъ цѣвѣсныхъ и опѣ часпи шонкихъ суконѣ дѣлаемое, верхнее одѣяніе, которое по краямѣ выкладываютъ иногда узовыми шкурками. *Высокая, къ верху уже сведенная, шалка* (Шуркъ) дѣлается изѣ бересшы, покрывается кожей, или холщомъ, и сплошь унизывается корольками, маленькими серебряными монешами и змѣйнными головками (Сургеа Монета). Такимъ же образомъ покрывается и, висящій опѣ шапки по спинѣ, *ремень*, шириною вѣ ладонь. Нѣкоторыя носяшѣ, вѣ мѣсто высокой шапки, широкія, монешами и корольками разпещренныя, головныя повязки (Ошпу). Уфимскія и Вяшскія Черемиски привѣшиваютъ къ поясу, супрошивъ задняго проходу, по цѣлому прибору кисточекъ (Упиненѣ), перемѣшанныхъ сѣ наперстками и всякими гремушками, кои, досязая до самыхъ подколѣнокъ, производяшѣ на ходу прошивное слуху бреччанье.

По Россійскому деревенскому обыкновенію, *ходятъ бабы родить въ баню*. Первый мужчина, который посѣшмишѣ роженицу, даеши имя мальчику, а первая же, къ ней пришедшая, женщина дѣвочкѣ, и сихъ шо гостей, вѣ послѣдующее время, называютъ всегда дѣши *отцами* (Ашай) и *матерями* (Абай). *Мужскія имена* суть слѣдующія: *Зегулаѣ, Кислелатѣ, Ербалды, Илменѣ*, и проч; а *женскія: Пиделетѣ, Астанз, -Насуке*, и проч. Зашвердивши шакія имена, часто забываютъ крещенные, а особливо дѣвки, данныя имѣ при крещеніи названія. Мужъ называетъ жену *Ватюю*, а когда жена кличетъ мужа, шо говоритъ *Мари!* или *Черемисѣ!*

Женѣ они себѣ *локулатѣ*, а цѣна невѣсшы называется у нихъ *Оломѣ*. Обыкновенно даютъ за невѣсшу опѣ 30 до 50, а иногда платяшѣ шакъ же и опѣ 80 до 100 рублей. У Язычниковъ и теперь еще *многожество* вѣ обыкновеніи. А какъ покорность и работа есть общій Черемискихъ женѣ жребій, шо зажиточные родители часто покупаютъ женѣ и шестнадцатилѣтнимъ своимъ сыновьямъ; но дѣвка должна быть не моложе пятнадцати лѣтѣ. Приданое состоитъ вѣ скотинѣ, и по шому шакіе молодцы, когда прійдутъ вѣ совершенной возрастѣ, бываютъ уже нарочито скопомѣ заводны. На роднѣ онѣ ни когда не женятся, и двухъ сестеръ вдругъ не берутъ: но шѣмъ милѣе имѣ, когда послѣ смерти одной могутъ взять за себя и другую. Сватѣ, которымъ бываетъ обыкновенно имянный отецъ; дѣлаешѣ стоворѣ; послѣ чего женихъ и невѣсша, увидѣвшись между собою, *мѣняются*

Черемиска сзади.
 Eine Tcheremisin rückwärts.
 Femme Tcheremise par derriere.

Чермыска въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tcheremissin im Sommer-Kleide.
Feme Tcheremissienne en habit d'été.

хольцами. Обрядъ сей называется у нихъ *Шергасъ Васталмасъ.*

Въ опредѣленный для *свадьбы день* прѣѣзжаетъ женихъ съ друзьями своими къ невѣстѣ, и поелику они берутъ съ собою особливыхъ скомароховъ, то сіе веселье побуждаетъ и поспороннихъ деревенскихъ подорожныхъ жишелей ѣхать шуда же за женихомъ ихъ. Женихъ, уплашя остальныхъ за невѣсшу деньги, раздаетъ дары, пируетъ и веселишся, а на другой день увозитъ закрышую невѣсшу въ жилище свое, не смотря на все ея сопровишеніе и слезы.

Въ домъ, гдѣ бытъ свадебному лиршеству, спаваяшъ на столъ *домашняго Ядола,* передъ кошорымъ шворитъ *Картъ* молишву. По томъ бываетъ обѣдъ, и начинающся веселости, соспоаящія въ пляскѣ, по гусямъ, воынкѣ (Шибберъ) и губномъ органѣ (Кобашъ); въ нескладномъ пѣніи пѣсень и сему подобномъ. Между тѣмъ наряжаютъ невѣсшу въ другой избѣ въ бабѣ одѣяніе, сирѣчь, снимающъ съ нее покрывало, и надѣваютъ ей на голову, въ мѣсто худой, нарядную высокую шапку, или повязку. Женихъ, взявъ ее за руку, опшводитъ въ гостепрѣемный покой, гдѣ она, во время шворимой *Юктолшомъ,* или *Картомъ,* молишвы, стоитъ на колѣняхъ, а по томъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво, или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣсша сама, однако спашъ ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому поспоронними бабами. Уложя молодыхъ, запираютъ подклѣшъ. На другой день, по ушру, приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заспуившій мѣсто роднаго невѣсшина ошца, мужчина, держа въ рукѣ добрую плешь, и ежели примѣшитъ, что невѣсша въ дѣвствѣ вела себя нецѣломудренно, то погрозаясь оною, совершаетъ на другой день свои угрозы. Такимъ же образомъ, пропуская только больше, либо меньше, послѣ спращанія времени, наказываютъ мужья женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣшатъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они шакъ же въ пированіи. А какъ спашушъ на послѣдокъ разходиться гостши, то всякъ, выпивъ послѣдній стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ, молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христіанскій законъ Черемисами такихъ свадебъ, до кошорыхъ бы не проходили сіи языческіе обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ, или лѣшъ. Но бѣдный, страншвующій, удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу. Онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда ошцу шакое за дочь награжденіе, ка-

кое самъ вздумаетъ, и такимъ образомъ, безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Покойниковъ своихъ кладутъ они во гробъ, въ самомъ лучшемъ одѣяніи. Похороны бывають въ шомъ же самый день, въ кошорый кто умеръ; при чемъ какъ мужчины, такъ и женщины провожаютъ. На кладбищѣ роютъ могилы съ запада на востокъ, и головою кладутъ покойниковъ на западъ. Всякому умершему завязываютъ родственники въ поясъ по нѣскольку копѣекъ; да съ верхъ шого надѣляютъ его посудю и другими домашнимъ надобностями, такъ же лапошникомъ, палкою, чшобъ было чемъ оборониться отъ собакъ, и не большимъ *луккомъ розовыхъ лозъ*, кошорый, по ихъ мнѣнію, отвращаетъ злыхъ Духовъ; все сіе кладется съ покойникомъ во гробъ. А какъ скоро завалитъ могилу землею, шо провожавшіе покойника спавятъ на оной за всякаго, прежде скончавшагося, друга, по свѣчѣ, и часшо говорятъ: *живите мирно!* Всякій провожаемый ѣстъ, за горящими на могилѣ свѣчами, блинъ, и ошкуся при куска отъ онаго, кладетъ на могилу и говоритъ: *ето тебѣ пригодится!* На послѣдокъ спавятъ на могилѣ шестъ, къ кошорому привязанная пряница виситъ, какъ будшо, знамя. По возвращеніи домой, моются, и одѣяніе перемѣняютъ. Чшо же до покойникова плашья касается, шо худое бросають, а доброе провѣшриваютъ.

Послѣ всякаго покойника правятъ они *трои лолинки* (Шуметъ). Первые бывають въ шрешій день, по кончинѣ. Пріятели, собравшись, ѣдятъ умогилы его такъ, какъ и на похоронахъ, блины, и ошкуся при часпицы, говорятъ: *ето лустъ съѣстъ локонникъ!* Въ седьмой день, послѣ смерши, лакомятся въ шомъ домѣ, гдѣ она случилась, за горящими восковыми свѣчами, блинами же, и посылають такъ же нѣскольکو кусковъ на могилу шого, по комъ правятъ поминки. Третье сего рода празднество произходитъ въ сороковый день, послѣ смерши. Да съ верхъ шого бывають во всякой деревнѣ по одному разу въ годъ, подобныя вышеописаннымъ, общія поминки.

Они думаютъ такъ, какъ и всѣ почти Язычники, чшо *состояніе* человѣческое, *послѣ смерти*, естъ, нѣскольکو перемѣнившееся, здѣшней жизни продолженіе, и по шому кладутъ покойникамъ своимъ домашнюю ушварь, деньги, пищу, и проч.

Оставшіеся, при древнемъ своемъ идолоклонствѣ слѣпо повинующая собственнымъ своимъ Духовнымъ, кошорыхъ называютъ *Мушанами* и *Машанами*, а Первосвященникъ нарицается у нихъ

Югитишъ, и сїи толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развращители въ великой у нихъ чести. Число шакого Духовенства спало уже шеперь очень не велико: но въ мѣсто шого избирають себѣ всякаго мѣсна міряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенія челоуѣка, кошораго, переименовавъ *Картомъ*, дають ему и помощника, подъ именемъ *Уаше*.

Богъ называется во обще на ихъ языкѣ *Юма* и *Коююма* (высочайшій Богъ). А чшоуѣ присвоишь ему, умшвенно, всякія благости, то подъ именемъ *Юмонъ Ава* (мать Божковъ) воздають *супругъ* его первое и самое большое, по Богѣ, почшеніе. Прочіе добраго качества *Божки* сущь, по ихъ разсужденію, дѣши, или родшвенники оныхъ двухъ первенствующихъ божескихъ лицъ, и между ними-шо раздѣлено правленіе міра и разположеніе судьбъ. Нѣкопрыхъ почишають женашыми, а иныхъ холосшыми, и называютъ ихъ во обще *Божьего семзего* (Юмонъ Шукча). Чшо же касается до именъ ихъ Боговъ, и до умоначерпанія о исправляемыхъ ими дѣлахъ: то они въ шомъ между собою не согласны, по шому, чшо одинъ Мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другіе меньше; при шомъ же и въ случаѣ изпрошенія помощи, по однимъ и шѣмъ же самимъ дѣламъ, обращаются къ разнымъ Божкамъ. *Наибольше же прилѣлляются* они къ слѣдующимъ *Богамъ*, а именно: къ *Пурикшъ* и *Пецуршъ Юмъ*, къ *Кудоргъ Юмъ*, подъ коимъ разумють они грозу, къ *Пецбаръ Юмъ*, кошорый, по видимому, ешь почишаемый Ташарами *Пророкъ*, по шому, чшо сїи называютъ своего прорицателя Мугаммедомъ Пуемберомъ, сирѣчь, пророчествующимъ. — Ешь у нихъ не мало и *Богинь*, въ числѣ кошорыхъ почишають шакъ *Китебу*, мать солнца, *Кабу*, и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ Богамъ, а грѣшницы къ Богинямъ.

Прародителемъ *Боговъ злыхъ качествъ* почишають *Сатану*, (Шайшанъ), коего не собшвеннымъ его называютъ именемъ, но словомъ *Ю*. Онъ живетъ, по мнѣнію ихъ, въ водѣ, и бываешъ, особливо въ самый полдень, лихъ. Лѣшихъ называютъ *Ведашани*, и присвояють имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и шшицами власть; при чемъ думаютъ шакъ же, чшо они могутъ звѣриные промыслы дѣлать и удачными и несчастливыми. У нихъ ешь и *злыя Богини*, но случается, чшо подъ однимъ и шѣмъ же самимъ именемъ, причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ Божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почшеніи. Но поелику они *шоломоваго Бога* (Кудорча) наибольше спрашашся, и при шомъ вѣрашъ,

что плодородіе земли отъ него зависить: шо многіе ставяють его въ видѣ одѣшой въ мужское плашье куклы, кошорую кладушь въ сдѣланной изъ бересшы ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ ни какого особливаго почшенія, кладушь только ему, черезъ нѣкоторое время, по нѣсколько кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣщенные къ нѣкоторымъ почшеннымъ деревьямъ чешыреугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересшы вырѣзанныя, безъ всякаго, въ разсужденіи лицъ, или знаковъ, изображенія, кошорыя называюшся у нихъ *Куда Вадашъ*. Въ прочемъ иные называюшь ихъ Идолами, а другіе принесенными лѣшимъ жершвами: однако они у всѣхъ въ почшеніи, и какъ будышо представляюшь жершвенники Фауновъ.

Службу отправляютъ они *Богалъ* своимъ не въ храмахъ, но на гистыхъ священныхъ мѣстахъ (Керемешъ), кошорыя бываюшь или общія (Кога Керемешъ), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащія (Шке Керемешъ). Они имѣюшь положеніе свое въ священныхъ рощахъ, или лѣсахъ; а гдѣ шакихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести, по крайней мѣрѣ, одно, либо и нѣсколько, деревъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочтается. Самое знашное дерево посвящается *Юмъ*, другое похуже онаго *Юмонъ Авъ*, а прочія кое какимъ Божествамъ. *Кереметъ* есть, окруженное деревьями, или другимъ какимъ заборомъ обнесенное, мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оно отъ десяти до двадцати сажень, и шири имѣетъ входа: одинъ къ западу, для прихода и выхода, другой къ востоку, кошорымъ вводяшь назначенную въ жершву скотину, а шрешій къ югу, для ношенія воды. Подъ знашнѣйшимъ деревомъ стоишь, въ мѣсто жершвенника споль, а не подалеку отъ Керемеша сдѣлана крышка, подъ кою варяшь, принесенную въ жершву, скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Керемешю, да и мужчины должны заранѣе вымыться и чистенько пріодѣться, и при шомъ, когда только можно, не съ пустыми приходить руками. Многіе почиашуть и самаго Керемеша сильнымъ и благодѣшельствующимъ Божествомъ, и по шому участвіе въ приносимыхъ жершвахъ и моленіяхъ. *Пятница* почиашется наилучшимъ, для молишвы, днемъ, и при шомъ препровождается всегда въ опдыхновеніи отъ шрудовъ.

Въ жертву приносять лошадей, рогатый скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, ушоекъ, пшеничныя пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ какъ вареный, шакъ и сырецъ. Бѣлыя звѣри всѣмъ

другимъ предпочитающа; нѣгіе со всѣмъ не годятся, а черные, въ нѣкошорыхъ шолько случаяхъ, могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбирающъ, какъ они шары, и кошораго рода. *Жертвенные напитки и лироги* надобно приугошворяшь *дѣвкамъ*. Дома ѣсть ошашки жершвъ не запрещено и женщинамъ. Время къ жершвоприношенію опредѣляющъ всегда Духовные, кошорые, при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на шоль бобовъ, размѣриваніе пояса и прочее, вопрошающъ своихъ Боговъ о различныхъ обшояшельствахъ.

Самый болшій праздникъ, касающійся до всего Боговъ семейства, называется у нихъ *Юмонъ Байранъ*. Названіе Байранъ (праздникъ) шакъ, какъ и *омываніе тѣла* передъ праздниками. переняли они у Ташаръ. Такое празднованіе бываешь у нихъ, смотря по обшояшельствамъ и досшашкамъ покупающихъ жершвенную скошину мїрянъ, черезъ годъ, черезъ два, черезъ шри, а иногда и черезъ чешыре года; время же избираешся къ шому осеннее. Въ назначенный къ жершвоприношенію день разкладывающъ *Мушаны*, или *Карты*, въ Керемешъ *семь огней*, кошорые въ одинъ рядъ проспирающся ошъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западъ огонь посвященъ *Юмъ*, ближайшій къ оному *Юмонъ Авъ*, и шакъ далѣе. При каждомъ огнѣ находишся особый Мушанъ, или Каршъ, и Удше, и передъ всякимъ огнемъ разшилающъ по сукну, на кошорое ставяшь жершвенные напишки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше шановишся съ жершвенною своею животиною передъ своимъ огнемъ; служащій *Юмъ* держишь *жеребца*, а сноющій передъ огнемъ *Юмонъ Авы корову*, прочіе же имѣющъ при себѣ мѣлкой скошъ или пищъ. Мїряне снояшь позади ихъ просшволосы. Жрецъ Юмы, поднявъ къ верху пирогъ и сосудъ съ напишкомъ, шворишь въ слухъ молишву корошенькую, во время коей предшоящій Народъ часто кладешъ поклоны, и говоришь: аминь! Послѣ сего молишся Жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдующъ и всѣ прочіе. По окончаніи молебны, *обливаешъ* всякій Удше *скотину свою* холодною водою; ежели она вздрогнешъ, шо почишаешся сіе добрымъ знакомъ; а ешьли нѣшъ шаковой примѣшы, шо поливаешъ оную еще нѣсколько крашъ, и буде она, послѣ седьмага поливанья, не вздрогнешъ, шо думающъ, шо жершва сія Богамъ не угодна. Въ прочемъ убивающъ они жершвенную скошину шакъ, чтобъ *кровь брызгнула въ огонь*, и по шомъ очисшя виѣ Керемеша мясо и внутренняя, варяшь подъ крышкою, или наместомъ.

Изъ вареныхъ жершвенныхъ мясъ, приподнявъ Жрецъ на блюдъ

Часть I.

Д

въ верхъ Божеству своему *сердце, легкое, легенку и голову*, молишся, а когда возношеніе сіе вездѣ уже кончится, шо приносятъ къ жрецу Юмы, кошорый есть Первосвященникъ, всѣ блюда; онъ дѣлитъ все на части, и подаешъ всякому, къ вѣрѣ своей усердствующему, по особливой долѣ, кошорую шущъ же всякъ и съѣдаешъ съ благоговѣніемъ. Послѣ сего шворитъ ояшь Жрецъ молишву. Такимъ же порядкомъ раздаешъ онъ пироги по кускамъ, а напишки по мѣрѣ, въ огонь же ни чего не бросающъ. *Кости* сожигаются; *шкуру* съ жеребца вѣшаютъ у Керемеша на дерево; а прочія кожи дѣлятъ Жрецы по себѣ. Остатки жершвъ берущъ съ собою домой, и доѣдающъ ихъ съ своими домочадцами, при безпушныхъ иногда увеселеніяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великій праздникъ, *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ запахиванію земли, шо деревенскіе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою, по желанію своему, что ни есть изъ пищи и пишья въ жершву. *Карты*, при швореніи молишвы и вышписанномъ поклоненіи мірянъ, приносятъ Богамъ нѣсколько изъ крещьянскихъ даровъ въ жершву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостію, по шому, что жены и дѣши ихъ пріемлютъ такъ же въ пированіи семъ участіе. На послѣдокъ взоравъ всякъ на шашнѣ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой *жатвенный праздникъ* (Ушкнде Байранъ). Послѣ омовенія спавитъ онъ всякаго рода сняшый въ шомъ году съ полей хлѣбъ, съ небольшимъ количествомъ солоду, напишковъ и испеченныхъ, изъ самой свѣжей муки, пирогсъ, на блюдахъ въ избѣ своей на столъ. По шомъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жершгу противъ солнца, и съ покорностію *благодаритъ Богомъ* за ихъ благословеніе; послѣ чего угощаешъ своихъ пріятелей.

Крещенія Черемисы, число кошорыхъ въ одной Казанской губерніи, съ 1723 по 1774 годъ, умножилось до 6580 мужескихъ и 5951 женскихъ душъ, а по сей 1795 годъ можно положить не ошибочно въ шрое, содержатъ оные праздники, по большей части, шайно, а иногда берущъ и въ самомъ торжествѣ Язычниковъ столько участія, сколько, укрываясь въ шомъ отъ Духовенства, и избѣгая ихъ изшязанія, принимаешъ могущъ.

